

Чу Ланьчуань, чье лицо всегда хранило невозмутимое выражение, наконец дрогнул. Его длинные брови слегка приподнялись:

— Ты болен?

Твой младший ученик сбежал из окружения на юге, рискуя жизнью, вернулся обратно и теперь с упорством маньяка пытается тебя убить. В вашем Павильоне Меча, в ветви Таньшань, ученики режут учителей, младшие — старших... делайте что хотите, но зачем втягивать в это посторонних?

— Конечно, я болен. Ты же сам только что сказал, что с моим Путем Боевых Меридианов что-то не так. Или у тебя провалы в памяти?

— ...

Судья промолчал, но Нин Фухуань почувствовал, как от него исходит ледяной холод. Это было остаточное намерение клинка.

Он подумал: «Чу Ланьчуань все эти годы общался с такими благородными мужами, как Ху Ичжи, и никогда не видел настоящих негодяев. Похоже, его сейчас просто выведут из себя».

А Чу Ланьчуань размышлял: «Я мог терпеть, как Ху Ичжи жульничает в шахматах, проигрывает деньги и не возвращает долги, но сегодня я встретил человека еще бесстыднее».

«Надо бы их познакомить», — подумал он и вздохнул. Хорошего соперника найти трудно, но в эту ночь оба были не в духе, к тому же у противника проблемы с меридианами. Даже если бы они выявили победителя, это не принесло бы радости.

— Уходи.

Нин Фухуань сложил руки в приветственном жесте и в мгновение ока растворился в ночной мгле.

В комнате царил полумрак, лишь лунный свет пробивался сквозь окно.

Дыхание Чжулю, лежащего рядом, было ровным и глубоким. Ребенок есть ребенок: устал и быстро уснул. Чэн Цяньжэнь же не смыкал глаз, сна не было ни в одном глазу.

Может, они решили забрать Чжулю, увидев его талант? Гу говорил, что в знатных семьях существуют запретные техники, позволяющие стереть память и превратить человека в марионетку.

Он тут же отбросил эту мысль. Если бы хотели, давно бы просто схватили его. Чем быстрее, тем лучше. Если бы он вернулся и не нашел Чжулю, то даже не знал бы, где искать, — никаких следов. Зачем рисковать, оставаясь в городе Наньян? Зачем вставать на колени перед ребенком?

Стоило Чжулю посмотреть на него с невинным, жалостливым видом, как суждения Чэн Цяньжэня теряли всякую объективность. Но сейчас, в спокойствии, он видел слишком много подозрительного.

А что насчет прежнего владельца этого тела?.. Может, его семья провинилась перед кем-то влиятельным, и его спрятали, чтобы сохранить хоть каплю крови? Или он совершил страшное преступление, но не заслужил смерти, поэтому ему запечатали меридианы и память, бросив на границе на произвол судьбы?

Что ждет его в будущем?

Все, что произошло сегодня, казалось безумным, кошмарным сном, от которого у Чэн Цяньжэня раскалывалась голова.

Он осторожно накинул одежду и поднялся, стараясь не разбудить брата. Взял старый меч, тихо притворил дверь и вышел.

Луна в ветвях деревьев светила ярче, заливая двор серебристым светом. Вдалеке прозвучал удар колокола — наступила третья стража.

Он вдруг тихо произнес:

— Выходи.

Черная фигура перемахнула через стену и приземлилась перед ним.

Чэн Цяньжэнь узнал человека, который разговаривал с Чжулю. На самом деле, он ничего не почувствовал, просто решил проверить. Не ожидал, что кто-то действительно остался. Значит ли это, что уровень совершенствования противника намного выше, раз он не смог его обнаружить?

Незнакомец понизил голос, опасаясь разбудить спящего в доме:

— Я хочу поговорить с вами.

— О чем? Тот, кто приходит без приглашения, — незваный гость.

Собеседник запнулся, явно не привыкший к такому обращению:

— У нас нет дурных намерений. Мы пришли, чтобы забрать господина домой.

— Забрать? А почему тогда бросили его в свое время?

Такой маленький ребенок. Если бы он не подобрал его, тот, скорее всего, погиб бы на Востоке. Чэн Цяньжэнь заставлял себя сохранять спокойствие, чтобы выведать побольше информации. Но когда речь заходила о Чжулю, он терял всякое самообладание.

— Мы не бросали его, мы искали все эти годы. Вы даже не представляете, насколько он важен. Но больше я ничего не могу сказать.

Дело было слишком серьезным, семья вела поиски тайно, но ситуация становилась критической, и они решились рискнуть, пригласив других предсказателей. По логике, он не должен был ничего говорить, но обстоятельства вынуждали убедить этого человека.

— Первый министр уехал пять лет назад и не вернулся, власть в столице нестабильна, борьба партий усиливается, нашей семье нужно...

— Мне нет дела до этого, — равнодушно перебил Чэн Цяньжэнь. — Меня волнует только то,

чтобы Чжулю было хорошо.

Мир полон страданий, какое мне до этого дело?

Гу Сюэцзян, получив золотую иглу от Нин Фухуаня, всю ночь при свете лампы срисовывал руны. Его мысли были полны тревоги, и лишь к четвертой страже он позволил себе немного поспать.

Утром, выйдя из дома, он в полузабытьи увидел у ворот фигуру, похожую на Чэн Цяньжэня.

— Чудеса, — пробормотал он, подошел и ткнул в него пальцем. Фигура не исчезла, и он отпрыснул: — Ой, это и правда ты!

Стоять молча у ворот, заставляя думать, что у него галлюцинации...

Чэн Цяньжэнь не спал всю ночь, но благодаря своему уровню совершенствования он был выносливее обычного человека.

— Хочу спросить кое-что, — сразу перешел он к делу. — Что ты знаешь о семье Чжаогэ?

Гу Сюэцзян прикрыл рот зевком:

— С чего вдруг такой интерес?

Чэн Цяньжэнь не ответил, и Гу не стал настаивать:

— Пойдем, по дороге расскажу. В юности Его Величество расправился с оппозицией, а в зрелом возрасте ввел Указ о пребывании в горах, вынудив семь великих сект уйти из политики и сосредоточив власть в своих руках. Постарев, он утратил былой пыл и начал делегировать полномочия, так и возвысились четыре знатных рода столицы.

— Позже император совсем выжил из ума. Когда я был во дворце, он держал меня за руку и говорил, что хочет передать мне трон. Столько важных дел в Поднебесной, как же она до сих пор не в хаосе?

— Потому что есть Первый министр. Он управляет тремя ведомствами, его власть безгранична. Знаешь, какая у него фамилия?

Чэн Цяньжэнь, выслушав кучу ненужной информации, буркнул:

— Не знаю.

Гу Сюэцзян наконец перешел к сути:

— Его фамилия Чжаогэ. Сила остальных трех родов вместе взятых не сравнится с силой одного Первого министра. Пока он жив, Чжаогэ всегда будут первыми среди четырех знатных семей.

— У них много детей?

Гу Сюэцзян разговорился и не заметил странности вопроса:

— Когда я еще носил фамилию Хуацзянь, не считая дальних родственников, у меня было больше двадцати братьев и сестер, я их даже не всех знал. В других семьях детей было еще больше. Только у Чжаогэ из-за их техники совершенствования, требующей воздержания от страстей, потомство немногочисленно. Говорят, именно поэтому Первый министр и создал Десять стражей Чжаогэ.

— Десять стражей Чжаогэ?

— Ага, всего десять человек. Они не как Чжун Шилу, они не просто Мечники-слуги, у них есть официальные должности в армии... Слушай, что с тобой сегодня? Ты же раньше не любил это слушать.

— Любопытно... Попроси за меня у учителя, скажи, что я заболел.

Когда они дошли до конца улицы, светало. Гу Сюэцзян встал рано, потому что дома не готовили, и он собирался позавтракать на лотке. Если прийти поздно, мест не будет, придется стоять в очереди.

Уличные торговцы уже расставили лотки, и, как только открылись пароварки, в утреннем воздухе поплыл аромат еды.

Гу Сюэцзян купил пельмени в бульоне и кашу:

— Ты уверен, что хочешь пропустить занятия? На основах военной теории за пропуски сильно снижают баллы.

Чэн Цяньжэнь, погруженный в свои мысли, ответил:

— Проси.

В другое время Гу Сюэцзян обязательно бы насторожился, но сейчас его мысли занимали золотые иглы, и он решил, что Чэн Цяньжэню нужно время, чтобы переварить вчерашние события.

— Ладно. Будешь?

— Нет. Я домой.

Чэн Цяньжэнь шел по пустынной улице. Утренний ветерок, птицы поют. По мере того как открывались лавки, появлялись люди. Город Наньян, пробуждающийся на рассвете, был таким же, как в день, когда они с Чжулю приехали сюда.

Он не знал, о чем думал, казалось, перебрал в голове сотни мыслей, прошел долгий путь, но так ничего и не решил. И вот уже ворота его дома.

Голоса, звучавшие в голове всю ночь, заговорили снова.

«Что ты можешь ему дать? Даже если накопишь на обучение, у тебя нет пилюль, нет духовных камней. Это и на одну десятитысячную не сравнится с тем, что ждет его дома! Неужели ты хочешь, чтобы он загубил свой талант и страдал вместе с тобой?»

Другой голос ответил с яростью: «Мне плевать! Это я его нашел, я его вырастил, он носит мою фамилию, и его жизнь принадлежит мне! Со всем, что будет дальше, мы разберемся вместе!»

«Как ты разберешься? Ты даже не знаешь, откуда взялся этот ребенок! Если завтра придут враги, ты позволишь Чжулю умереть вместе с тобой?»

Второй голос был нелогичен: «Умереть так умереть! Он мой брат, почему мы не можем умереть вместе?!»

«Как ты будешь бороться с теми людьми? Ты хочешь пойти против знатного рода? Разве они дадут вам жить спокойно?»

«Чжулю сам решает свою судьбу, он сказал, что не хочет уходить! Значит, не уйдет. К черту Чжаогэ и их знатные рода. В крайнем случае, я сбегу вместе с ним».

«Он еще мал и ничего не понимает. Ему достаточно того, что он сыт. Сейчас ты тащишь его в бега, а когда он вырастет, не возненавидит ли он тебя?»

Прошлой ночью Чэн Цяньжэнь спорил сам с собой, почти дойдя до нервного срыва, но в итоге отложил решение: «Подожду. Ночью голова не варит, нельзя принимать решения».

Сегодня он вдруг понял: чем дольше он оттягивает, тем сильнее становится желание сбежать от реальности.

Чэн Цяньжэнь стоял перед домом и смотрел на обветшалую деревянную дверь.

Вдруг она скрипнула, и показалась голова Чжулю:

— Брат, где ты был? Я как раз собирался тебя искать.

Чжулю втянул его внутрь:

— Хорошо, что ты взял отгул. Ты вчера плохо спал. Отдохни как следует. Давай сначала позавтракаем.

Чэн Цяньжэнь сел за стол. Чжулю принес из кухни кашу, лепешки и закуски, расставил посуду, суетясь вокруг него.

Он смотрел на профиль ребенка — тонкие черты лица, нежная кожа, невероятно красивый.

Каким он станет, когда вырастет?

Определенно будет выше брата и еще красивее. Останется ли он таким же послушным?

Наверное, нет. Повзрослев, он станет серьезным и рассудительным, наверняка будет нравиться девушкам.

Он заслуживает лучшей жизни. Лучше, чем у тех избалованных однокурсников в академии.

Чэн Цяньжэнь поднял кастрюлю с кашей:

— Она немного остыла, пойду подогрею и добавлю сахара.

Но он ушел надолго. Чжулю ждал, начал волноваться, хотел уже подняться на поиски, как Чэн

Цяньжэнь неспешно вернулся.

Он наполнил миску:

— Пей.

Ребенок зачерпнул ложкой, подул и послушно выпил:

— Вкусно.

Правда, сахара было столько, что сводило горло.

Чэн Цяньжэнь медленно жевал лепешку, вкус которой казался ему пресным, как бумага.

Чжулю пододвинул к нему тарелку с картошкой:

— Брат, почему ты не ешь овощи? По-моему, сегодня они получились лучше всего.

Чэн Цяньжэнь попробовал кусочек, изменился в лице, с силой бросил палочки и смахнул тарелку со стола:

— Что ты приготовил! Гадость!

Керамическая тарелка покатилась по полу, еда рассыпалась.

Чжулю растерянно встал. Брат никогда не говорил с ним грубо, а уж тем более не швырялся посудой.

Он хотел спросить «Что случилось? Что произошло?», но не успел открыть рот, как прозвучал второй удар грома:

— Договорись — уходи. Возвращайся к своим.

Чжулю остолбенел:

— Что ты сказал?

Чэн Цяньжэнь смахнул еще одну тарелку:

— Я сказал — уходи! Ты что, не понимаешь?!

Лицо Чжулю стало белым как полотно:

— Еда была невкусной, я приготовлю лучше. Я не уйду.

— Стирать, готовить — любая служанка с рынка справится лучше тебя! Я сыт тобой по горло. Если бы не ты, обуза, я жил бы припеваючи! Неужели я должен каждый день есть это?!

Все эмоции хлынули наружу, он потерял голову и сам не понимал, что несет:

— Моих денег хватило бы, чтобы каждый день ходить в бордели и каждую ночь чувствовать себя новобрачным! Почему ты не уходишь? Почему продолжаешь тянуть меня на дно?!

Ребенок не понимал, что происходит. Он проснулся — и мир изменился. Он бросился брату на шею, вцепившись в пояс:

— Я буду усердно учиться, много зарабатывать, я никуда не уйду! Мы же договорились, что я буду заботиться о тебе в старости!

Чэн Цяньжэнь закрыл глаза, а когда открыл, взгляд его стал холодным.

Он оттолкнул ребенка, достал банкноту в двести лян, данную ему тем человеком, и с шумом встряхнул ее:

— Твои родные дали мне двести лян! Видишь?! Сколько лет тебе нужно, чтобы заработать столько?!

Чжулю отшатнулся, глядя на него с недоверием, слезы непроизвольно покатались из глаз:

— Не может быть... Ты врешь. Это они тебе угрожали. Я пойду и поговорю с ними.

Он сделал пару шагов, почувствовал тяжесть в голове, головокружение, и ухватился за край стола, чтобы не упасть. Боковым зрением он увидел миску с кашей на столе — он выпил ее, а Чэн Цяньжэнь не притронулся.

Он знал об этом порошке: четыре года назад брат взял заказ на сопровождение каравана, не взял денег за трупы, попросив лишь какие-то безделушки для самообороны. Потом он однажды использовал это средство, подсыпав в вино разбойникам, чтобы спасти его. Кто бы мог подумать, что сегодня это пригодится снова.

Ребенок поднял заплаканное лицо:

— Брат...

Чэн Цяньжэнь отступил на три шага и холодно бросил:

— Не называй меня братом. Проваливай.

Действие лекарства усилилось, перед глазами Чжулю потемнело. Он с силой прикусил кончик языка, чтобы острая боль помогла ему остаться в сознании.

Наконец он услышал голос, самый родной и близкий за эти годы, последние слова:

— Выходите. Забирайте его.

Мир окончательно погрузился во тьму.

На кухне Чэн Цяньжэнь сказал:

— Я хочу, чтобы каждый из вас дал клятву крови. Все, что вы сказали вчера, — правда. Вы будете вечно верны ему, не предадите и не обманете. Если кто-то обидит его, вы сделаете все, чтобы защитить его. Иначе — лишитесь сил и умрете мучительной смертью. Смеете?

Когда они давали клятву, они не ожидали, что все решится так быстро и легко.

Чэн Цяньжэнь смотрел, как человек, с которым он говорил вчера, укладывает Чжулю в карету,

а затем подошел к нему и поклонился:

— Благодарим вас за заботу о молодом господине все эти годы.

Лицо Чэн Цяньжэня было мертвенно-бледным. Ему хотелось сказать: «Я заботился о своем брате, не заслуживаю благодарности», — но он быстро понял, что у него нет права так говорить.

Они изначально были из разных миров.

— Деньги и камни, о которых вы говорили, мне не нужны. И я не смогу пообещать, что никогда больше его не увижу.

Чэн Цяньжэнь развернулся и вошел в дом, а вышел уже со старым мечом. Он резко выхватил его из ножен, и чистый звон стали пронесся по двору.

Люди в черном инстинктивно потянулись к оружию, но сдержались.

— Если через пять лет я буду жив, то приеду в столицу, чтобы увидеть его. Если у него все будет хорошо — пусть так и будет, я сделаю вид, что никогда его не встречал. Но если нет — клятва ваша не понадобится, я сам лишу вас жизни.

Он вдруг перевернул меч, острием к левой руке, и вонзил его в плечо! Брызнула кровь!

— Если я нарушу эту клятву, пусть мои меридианы взорвутся!

Практики верят, что, встав на путь Дао, они обретаю связь с небом и землей, а слова обретаю силу. Мало кто решается на клятву крови, а если и решаются, то лишь проколов палец, чтобы капля крови коснулась земли.

Никто из присутствующих никогда не видел столь жестокого способа принести клятву.

Кровь текла рекой, окрашивая рукав в красный цвет. Чэн Цяньжэнь убрал меч в ножны, выражение его лица не изменилось.

— Уходите, пока я не передумал. Если он проснется и начнет плакать, скажите, что я уехал из города Наньян и никто не знает, куда.

— Чэн Третий взял отгул, почему? В прошлом году он даже с простудой не пропускал... Эй, хватит спать, учитель смотрит!

Гу Сюэцзян чувствовал, что вот-вот умрет от недосыпа, у него не было сил спорить с Сюй Жань:

— Учитель не видит. Я не спал пол-ночи, дай мне хоть немного покоя.

— Попроси меня.

— Прошу тебя, милая сестрица!

Сюй Жань увидела, что он и правда валится с ног, и, решив, что дразнить его больше неинтересно, замолчала.

Сон на уроке — лучший отдых. Через два часа Гу Сюэцзян проснулся, чувствуя себя посвежевшим, и заглянул в книгу в руках подруги: «Записки о героях ветра и снега»?

Сюй Жань была поглощена чтением самого интересного момента и лишь рассеянно кивнула.

— Убийца — лучший друг главного героя, а за всем стоит его учитель. Старый трюк.

— ...Я только на двадцатой главе, откуда ты можешь знать?

— Я догадался еще на четырнадцатой.

— Ты можешь помолчать?!

— Попроси меня.

Сюй Жань захлопнула книгу и в ярости воскликнула:

— Попроси своего деда!

Никто не успел их остановить, они чуть не подрались.

День был пасмурным. В конце весны — начале лета стояла душная жара, но до сезона ледяных ванн было еще далеко. Воздух за окном словно застыл, ни малейшего ветерка не проникало в класс. Учитель говорил так монотонно, что ученики клевали носами от жары.

Наконец наступил конец занятий. Гу Сюэцзян вспомнил странности Чэн Цяньжэня утром и сказал Сюй Жань:

— С Чэн Третьим что-то не так. У меня плохое предчувствие.

— Тогда пойдем быстрее!

— Мы и так идем быстро?

Их несла толпа, и благодаря высокому росту они с ужасом увидели, что вся площадь перед библиотекой забита людьми. Учитель задержал их, и они попали в самый час пик.

Когда они свернули в переулок к дому Чэн Цяньжэня, Сюй Жань уже изнывала от голода, почуяв аромат еды.

— Интересно, что приготовил Чжулю? Хочется свинины в красном соусе. Почему такой сильный запах крови? Они что, курицу зарезали?

Она первой толкнула дверь и вскрикнула.

Чэн Третий сидел за столом, рукав его был пропитан кровью, в руке он сжимал меч, взгляд был расфокусирован.

На столе — остатки еды, на полу — немного крови, повсюду разбросаны овощи. Чжулю нигде не было.

Чэн Цяньжэнь был в сознании. Он видел, как к нему подбежали друзья, как они трясли его за рукав, звали по имени. Но в голове все еще стоял образ Чжулю, а обрывки воспоминаний мелькали, как в калейдоскопе.

— Никакой реакции, что делать?

Гу Сюэцзян растерялся:

— Нельзя допустить, чтобы у него началось расстройство духа, давай сначала вырубим его.

Сюй Жань была в еще большем шоке: как Чэн Цяньжэнь за одну ночь стал практиком?

Чэн Цяньжэню снился долгий сон.

Во сне он был в прошлой жизни, когда объявили результаты экзаменов, он шел с одноклассниками есть, пел в караоке, зависал в интернет-кафе, играя в игры до потери сознания.

Он всегда был обычным человеком: не красавец и не урод, оценки средние, в драках не участвовал, в отличниках не ходил. Если подумать, упорная учеба в выпускном классе и поступление в неплохой университет были самым счастливым событием за его двадцать с лишним лет.

Никаких хобби и талантов, жизнь в университете — круговорот лекций, задач и игр с соседями по комнате.

Миллионы людей: выдающиеся — редкость, отъявленные злодеи — тоже, большинство — такие, как он.

Поэтому, когда он только попал в этот мир, он сотни раз спрашивал: почему именно я?

Дырявая хижина, грубые крестьяне, невыносимая работа, холод и голод заставляли мыслить безумно: если я умру, смогу ли я вернуться? Вернуться к своей обычной, но счастливой жизни.

Он больше не хотел проходить через те дни. Не мог жить нормально, но и умереть не хватало духу.

Позже он нашел на берегу реки ребенка. Тот был уже синим от холода, дыхание едва теплилось.

Он стер с лица ребенка грязь, обнажив белую, нежную кожу. Он не был похож на жителей Дунчуаня, он был похож на ребенка из его прежнего мира, которого родители оберегали от всех бед и который рос в беззаботности.